

И. А. КРЫВЕЛЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-БЫТОВЫХ ПЕРЕЖИТКОВ У НАРОДОВ СССР¹

В истории идеологии соотношение сил религии и атеизма до сих пор было непостоянным. На одних ее этапах почти безраздельно господствовала религиозная идеология, на других—подымались мощные волны народных антиклерикальных и атеистических движений, а крупнейшие мыслители выступали с произведениями, в которых религиозное мировоззрение подвергалось беспощадной и глубокой критике. И все же в общем религия удерживала свои позиции до нашего времени. Как ни велики успехи науки, опровергающей религиозные догматы по существу, как ни скомпрометировали себя религии и их служители своей реакционной ролью в ходе классовой борьбы, сознание широких кругов трудящихся в капиталистических странах находится еще под властью религиозных предрассудков. До тех пор, пока не побеждает социалистическая революция и в ходе строительства нового общества не выкорчевываются социальные корни религии, не возникают и условий для полной победы атеизма. Гносеологическая возможность религии, коренящаяся в некоторых исторически сложившихся особенностях человеческого сознания, постоянно претворяется в действительность в обстановке классового общества, поскольку социальные условия жизни людей порождают у них стремление к религиозному самоодурманиванию.

В социалистическом обществе ликвидация эксплуататорских классов и победа общественной собственности на средства производства, плановое хозяйство, ликвидация безработицы, растущая из года в год материальная обеспеченность людей, повышение образовательного и культурного уровня широких народных масс, возможность неограниченного развития и использования своих способностей — все это создает у члена социалистического общества сознание уверенности в завтрашнем дне, устраняет те настроения бессилия, тревоги, неустроенности, которые питают в классовом обществе религиозность масс. Широкое и активное участие трудящихся в общественной жизни, в борьбе за коммунизм обуславливает рост политической зрелости людей, способствующий изживанию самых закоренелых предрассудков, в том числе и религиозных пережитков.

В Советской стране впервые в истории осуществлено полное отделение церкви от государства и школы от церкви. Религиозные организации, пользуясь полной свободой в отправлении своих культов, не имеют права вмешиваться в общественно-политическую и культурную жизнь страны. Сознание детей в школах не отравляется «законом бо-

¹ Статья основана на экспедиционных материалах последних лет (1940—1960), собранных сотрудниками Института этнографии АН СССР у русского населения (Л. А. Анохина, В. Н. Башилов, И. А. Крывелев, М. Н. Шмелева), у народов Прибалтики (Л. Н. Терентьева), у народов Северо-востока Сибири и Дальнего Востока (И. С. Гурвич, А. В. Смоляк), Кавказа (Т. Ф. Аристова), Средней Азии (Г. П. Снесарев) и др.

жним», — наоборот, школьное преподавание целеустремленно направлено к формированию у подрастающего поколения диалектико-материалистической картины мира, несовместимой с религиозно-фантастическими представлениями и верованиями.

Вся совокупность образовательных, культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских учреждений страны ведет свою работу, руководствуясь указаниями Коммунистической партии и ее Центрального Комитета о коммунистическом воспитании народных масс, о распространении среди них марксистско-ленинского материалистического и, следовательно, атеистического мировоззрения. Пропаганда естественнонаучных, философских и политических знаний, проводимая изо дня в день различными учреждениями и организациями через многочисленные каналы, активно способствует проявлению сознания людей. В условиях великих успехов советской науки, связанных, в частности, с раскрытием тайн вселенной, с началом эры космических путешествий, пропаганда естественнонаучных знаний оказывается все более эффективной в отношении распространения атеистического мировоззрения.

Неудивительно поэтому, что в Советской стране атеизм одержал огромные победы. Впервые в истории соотношение сил между религией и атеизмом определенно склонилось в пользу последнего. И это совершенно закономерный ход развития, ведущий к окончательному исчезновению религиозных представлений, тысячелетиями тяготевших над сознанием человечества. Десятки миллионов членов социалистического общества полностью уже отошли от религии, а многие находятся на пути к атеизму.

Нельзя однако представлять себе преодоление религии в виде плавной эволюции, приводящей к полному исчезновению религиозности одновременно во всех слоях населения. Живучесть религии в сознании людей, бытие которых уже коренным образом изменилось по сравнению с теми условиями, которые раньше питали религиозные настроения и взгляды, обусловлена тем, что сознание и в данном случае отстает от меняющегося бытия. Притом религия обладает рядом характерных особенностей, которые делают ее при прочих равных условиях более живучей, чем другие идеологии, даже в том случае, если разумом человек уже начал понимать ее несостоятельность.

Влияние религии распространяется не только на интеллектуальную сторону человеческого сознания, но и на его эмоциональную сторону и находит выражение в совокупности действий — в обрядах и обычаях, в определенных формах быта, в веками устоявшихся привычках и традициях. Став для человека с детства «нормальной» формой отношения к миру, связанная с рядом нередко довольно глубоких эмоциональных переживаний и вошедших в привычку действий, религия с большим трудом оставляет сознание человека.

В произведениях В. И. Ленина мы находим указания на то, что помимо экономических корней религии существуют и исторические ее корни². Это значит, что над сознанием человека могут тяготеть условия, возникновение которых относится не к данному, а к давно прошедшим временам. В этом случае религия и должна рассматриваться как пережиток ушедших в прошлое условий и обстоятельств, когда-то порождавших и питавших ее в общественном сознании. В советском обществе, где экономические корни религии уже исчезли, а взятые в более широком смысле этого слова социальные корни сильнее всего образом подорваны, религия в качестве пережитка еще держится и оказывает серьезное сопротивление наступлению атеистического мировоззрения.

В Советской стране еще существуют религиозные организации, хотя и несоизмеримо менее многочисленные и мощные, чем они были в цар-

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 68.

ской России, но все же разветвленные и сильные. Не только православные, но и другие христианские вероисповедания (католицизм, протестантизм, старообрядчество, баптизм и др.), и ислам, и иудаизм имеют свои организации с многочисленным духовенством. Некоторые из них располагают системой учебных заведений, готовящих новые кадры духовенства, довольно сильной финансовой базой. Ясно, что источником всего этого является наличие еще немалого количества верующих, вносящих свои трудовые деньги для оплаты церковных треб и других культурных услуг, оказываемых духовенством. Многие другие факты и наблюдения говорят о тех случаях, когда люди уже отказались от выполнения диктуемых церковью обрядов и от практического участия в экономической и организационной поддержке церковных организаций, но далеко не всегда это связано с полной победой атеистического мировоззрения в их сознании. Есть и такие формы религиозности, которые коренятся преимущественно в быту, почти не проходя через сознание людей. С другой стороны, существуют утонченные формы религии, не связанные с выполнением обрядов или вообще каких-либо действий и с большим трудом поддающиеся исследованию.

Кроме того, следует помнить, что простое деление всех граждан на верующих и неверующих представляет собой слишком упрощенное решение вопроса. Между этими двумя позициями может располагаться целая серия промежуточных ступеней, отражающих колебания человека, его недоумения и сомнения, половинчатое решение им как основной мировоззренческой проблемы, так и связанного с этим практического поведения.

По конституции СССР, обеспечивающей свободу совести и полное невмешательство государства в религиозные дела, ни один официальный документ не содержит указаний на отношение того или иного гражданина к религии и не задает ему вопросов об этом его отношении. Не отражено это даже в переписи населения. Мы не можем поэтому точно сказать, какой процент населения причисляет себя к верующим, как распределяется количество верующих по различным религиям, сколько десятков миллионов граждан нашей страны окончательно порвали с религиозными предрассудками. Жалеть об этом не приходится, так как свобода совести — слишком великое благо, чтобы можно было им жертвовать в интересах статистики. Но изучать процесс преодоления религиозных пережитков необходимо, притом более тонкими и сложными средствами, чем распределение людей по рубрикам и статистическим группам.

Религия находит свое выражение в разнообразных проявлениях — в быту, в действиях людей, в формах проведения досуга, в способах обозначения важных событий личной и общественной жизни. В основном же она представляет собой идеологию, и в основе ее внешних проявлений лежат определенные представления, не всегда, правда, одинаково отчетливые. Однако исследование не может ограничиваться рассмотрением внешних проявлений религиозности или атеизма, оно должно использовать и методы психологического анализа, раскрывающего внутреннее отношение людей к религиозным учениям и их содержанию.

Многонациональный и разнообразный в отношении религиозной принадлежности состав населения СССР, различие уровней технико-экономического и культурного развития разных народов СССР до Октябрьской революции, своеобразие бытовых условий их жизни, различия в ходе исторического развития, в сложившихся национальных и религиозно-бытовых традициях — все это неминуемо обуславливает известную нестроту процесса преодоления религии в нашей стране и создает особые трудности в деле научно-атеистической пропаганды. Отсюда с еще большей необходимостью вытекает требование изучения проблемы на конкретном материале.

Такое изучение религиозно-бытовых пережитков в аспекте их преодоления в различных этнических, социальных, возрастных и иных группах населения нашей страны и составляет одну из задач Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, рассчитанной на ряд лет.

Ход этих процессов тесно связан с самими условиями жизни людей и, прежде всего, с ходом перестройки этих условий, с конкретными формами и проявлениями процесса строительства коммунизма у данного народа или этнической группы. Методы этнографического исследования должны помочь освещению этих проблем во всей их сложности. Первые итоги этой исследовательской работы дают уже возможность сделать некоторые предварительные выводы.

* * *

О больших успехах в деле распространения атеистического мировоззрения в нашей стране свидетельствует ряд общеизвестных внешних фактов. Из года в год уменьшается количество религиозно-церковных общин различных вероисповеданий. Если в большие праздники работающие до сих пор церкви, синагоги и мечети собирают довольно много молящихся, то из этого никак не следует делать вывод о религиозности основной массы нашего населения. Нельзя забывать, что количество работающих молитвенных домов в стране сильно уменьшилось по сравнению с прежними временами и что в этом как раз и нашло свое отражение огромное уменьшение числа верующих. Неуклонно идущий процесс церковного распада сказывается и в том, что за последние годы стало типичным явлением отречение служителей церкви от духовного сана. Многие из них (священники П. Дарманский, Н. Спасский, кандидат богословия Е. Дулуман, муллы Пир Нияз Ходжа, С. Микеладзе, И. Альбатов, раввин И. Голигорский, пастор О. Робезник, ксендз В. Звейсалник и другие) заявили в печати о том, что они убедились в ложности и вредности религиозного мировоззрения. Особенно знаменательным явилось выступление видного деятеля русской православной церкви, профессора Ленинградской духовной академии А. А. Осипова с заявлением о полном разрыве с религией и церковью. Показательно, что православная церковь отнеслась довольно нервозно к этим фактам — 30 декабря 1959 г. Синод вынес решение об отлучении от церкви ряда бывших священников, снявших с себя сан.

Этот процесс находит внешнее выражение и в динамике выполнения населением религиозных обрядов как публичного, так и частного культов. У русских колхозников центральных областей страны, обследованных экспедициями Института этнографии, отмечается резкое падение процента выполнения таких религиозных традиций и обрядов, как ношение нательного креста, регулярное посещение церкви, исповедь и причащение; стало редкостью соблюдение постов. Даже у старообрядцев, у которых религиозная регламентация жизни всегда была очень сильна, выполнение религиозных обрядов и запретов падает с каждым годом. Очень ярко выражен процесс исчезновения религиозной обрядности у латышей: в колхозах бывшей Селпилской волости не наблюдается обряд конфирмации, за последние десять лет не известно ни одного случая крещения детей; были лишь единичные случаи венчания. Постепенное исчезновение религиозной обрядности наблюдается у всех без исключения народов Советского Союза. У ульчей значительно реже выполняется теперь обряд моления небу об удаче в промысле, о здоровье и благополучии охотников и членов их семей; там же, где этот обряд еще бытует, он выполняется в упрощенной форме. Сильное сокращение и упрощение семейной обрядности наблюдается у якутов.

Характерным для наших дней является стирание отчужденности, существовавшей ранее между верующими разных религий. Не так легко

теперь найти старообрядческую общину, члены которой избегали бы пользоваться посудой, бывшей в употреблении у «никониан», а тем более у «нехристей»; весьма быстро исчезают грани между многочисленными старообрядческими толками. То же происходит с былой отчужденностью между курдами-мусульманами и курдами-иезидами, между латышами-лютеранами и латышами-католиками. Все это говорит о том, что религия перестала в какой бы то ни было степени определять взаимоотношения между советскими людьми.

Есть все основания утверждать, что в самых широких кругах населения нашей страны религиозное мировоззрение в значительной мере потеряло свое влияние и что на смену ему идет широко и успешно распространяющееся материалистическое и, стало быть, атеистическое мировоззрение. Этот процесс идет неравномерно не только в различных возрастных группах населения, но и в различных районах нашей страны. Нельзя недооценивать ту роль, которую иногда играют местные условия в успешном ходе преодоления религиозных пережитков или, наоборот, в торможении этого хода.

Наличие ярких революционных традиций в данной местности способствует успехам атеизма. Показателен материал этого рода, собранный за последние годы по нескольким колхозам Латвийской ССР. В этих местах особенно бурно проходили события революции 1905 года, здесь живы еще воспоминания о той борьбе, которую пришлось выдержать латышским коммунистам в 1918—1919 гг., есть еще живые носители славных традиций революционной борьбы. Еще до 1917 г. борьба против царизма и капитализма, а в период буржуазной республики — борьба против нее, — связывалась с антиклерикальным и атеистическим движением. Латышские революционеры были воинствующими атеистами; такие традиции играют немалую положительную роль в борьбе с религиозными пережитками сегодня. Так же и в русском колхозе Костромской области, образовавшемся из коммун, которая существовала с 1918 г., ни в одном из домов нет икон, никто не выполняет никаких религиозных обрядов, да и по существу здесь религия в основном преодолена. Такое же положение отмечается и в отношении некоторых совхозов, личный состав которых комплектовался из приезжих, часто городского, населения с традициями, создавшимися в рабочих центрах.

Противоположное влияние на ход преодоления религиозных пережитков оказывает наличие в данной местности в старое время скитов и монастырей, «чудотворных» источников и других «святых», вроде «святого» озера Светлояр. Там, где колхозы слабы в организационном и экономическом отношении, также создается база для консервации религиозных пережитков. Люди в этих местах больше заняты своим приусадебным хозяйством, что отрывает их от общественной жизни и держит в плену узкого замкнутого круга интересов своей семьи, а это не может не обусловить известную оторванность их от нашей идеологической жизни и делает podatливыми к слухам и сплетням, к агитации проповедников религии.

Само собой разумеется, что непосредственное влияние на ход борьбы с религией в данной местности оказывает уровень культурной жизни и, прежде всего, состояние культурно-просветительной работы.

И все же, при всем разнообразии местных условий, исторически складывавшихся черт национального, религиозного, культурного своеобразия, при всем отличии положения разных возрастных групп населения, вряд ли будет преувеличением сказать, что, в общем, атеистические или приближающиеся к атеизму взгляды разделяются теперь большинством сельского населения. Это большая победа марксистско-ленинской идеологии, большое достижение советской социалистической культуры. Подлинное преодоление религиозных предрассудков в широ-

ких народных массах оказалось возможным только в условиях социалистического общества.

Случаи проявления религиозного фанатизма еще, правда, имеют место в различных углах нашей страны; есть еще и сторонники изуверски-фанатических религиозных толков,— молчаливики, свидетели Иеговы и другие. Считать, однако, эти случаи типичными для нашего времени нет никаких оснований. Как массовое явление, религиозный фанатизм в нашей стране отошел в прошлое.

Изменилась и сама степень интенсивности религиозной веры. По существу, современный верующий не может быть отождествлен с верующим дореволюционной России. Общественное поведение подавляющего большинства даже верующих в нашей стране отнюдь не руководится религиозной верой и связанными с ней реакционными политическими идеями. Как и все советские люди, они являются патриотами социалистического отечества. И все же религиозная идеология оказывает, конечно, реакционное политическое влияние на отсталые круги нашего населения. Известный разрыв между религиозной верой, которая и теперь полностью сохранила свой реакционный характер, и политическими убеждениями подавляющего большинства верующих, несомненно, налицо.

Современные верующие, как правило, не имеют определенного и цельного представления о догматике своей религии (что в известной мере имело место и раньше). Мало кто знает наизусть молитвы, помнит весь календарь религиозных праздников. Многим верующим неизвестны содержание и смысл даже тех обрядов, которые ими выполняются. Мифы и догмы нередко переосмысляются в сознании верующих, так что оказываются имеющими мало общего с официальным вероучением.

Можно сказать, что, как правило, в сознании современного верующего в нашей стране существует смутное представление о каком-то объекте веры, но связанные с этим церковные учения лишь в редких случаях ему известны. Знают о рае и аде, о том, что бывают-де чудеса (под последними обычно подразумеваются необъяснимые явления), что существуют «священные» книги, в которых предсказано будущее,— в частности то, что происходит в наше время. Из этих обрывков религиозной идеологии складывается нечто довольно сумбурное и невразумительное, в истинности чего сам верующий не очень убежден.

С наибольшим трудом атеистическое мировоззрение пробивается в среду старшего поколения. Люди, детство и юность которых прошли еще до Октябрьской революции, носят в своем сознании идеологический груз религиозных пережитков в большей мере, чем люди последующих поколений. Это отмечается и у русских (в особенности у старообрядцев), и у народов Нижнего Амура, и у народов северо-востока Сибири, и у курдов Закавказья. Старики являются хранителями остатков религии. Они знают молитвы, иногда разбираются в чине богослужения и могут даже провести его в упрощенной и сокращенной форме. У старообрядцев, например, нередко всю службу справляют теперь старухи. По наблюдениям автора данной статьи, в Алтайском крае (1959 г.) в местностях, удаленных от действующей церкви, и у православных, и у старообрядцев, обряд крещения выполняется старухами, причем весь обряд заключается в том, что младенца купают в кадке или тазу и после невнятного произнесения нескольких бессвязных, но молитвенно звучащих фраз ему присваивается имя. У народов Нижнего Амура и северо-востока Сибири старики являются хранителями и исполнителями обрядов дохристианских культов, в том числе и промыслового.

Нельзя, однако, не отметить, что и у старейшего поколения атеистическое мировоззрение одержало большие победы. Большинство

людей старшего поколения прошло школу классово-борьбы при царизме, великую жизненную школу первой мировой войны, революции, гражданской войны и последовавших за ними лет коренного социального переустройства. Среди них есть ветераны революционной борьбы, ставшие воинствующими атеистами еще до революции. В ряде случаев в этом сыграло роль именно знакомство со священными книгами и религиозными учениями. Некоторые старики, которым приходилось когда-то читать Библию и вообще религиозную литературу, наталкивались в процессе этого чтения на факт удивительной примитивности и противоречивости религиозных учений. Не прошла мимо их сознания и та политико-просветительная и пропагандистско-атеистическая работа, которая ведется различными учреждениями и организациями советской общественности. Женщины старшей возрастной группы пока еще более мужчин подвержены влиянию религиозных предрассудков.

В среднем поколении населения советской деревни успехи атеистического мировоззрения, конечно, значительно больше, что вполне понятно. Люди, составляющие эту группу, вынесли на своих плечах весь великий и трудный процесс строительства социалистического общества, защиту нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков, это те люди, которые в настоящее время играют решающую роль в производственной и общественной жизни нашей страны, в строительстве коммунизма. Даже в районах распространения старообрядчества мужчины этого поколения в большинстве своем отошли от религии, хотя часть их может быть отнесена к людям, занимающим среднюю позицию между верой и безверием и даже к верующим; с женщинами этого возраста дело обстоит значительно сложнее. В массе своей они все же являются верующими, хотя по сравнению с более старшей возрастной группой здесь атеистическое мировоззрение завоевало большее количество приверженцев. Относительная живучесть религиозных предрассудков среди женщин этих поколений имеет свои причины в ряде исторических условий, — некоторые из последних не преодолены еще до нашего времени.

Женщины значительно меньше мужчин выезжали из своей деревни, они всегда были тесней привязаны и к ней, и к своему семейному кругу. Образовательный уровень старшего поколения женщин — в среднем значительно ниже, чем у мужчин: известно, что до Октябрьской революции крестьянские девочки значительно реже получали даже то скудное школьное образование, которое получали мальчики. В наши дни недостаточно еще развитое местами общественно-бытовое обслуживание не дает возможности освободить женщину-колхозницу от домашних забот, связанных с воспитанием детей, с организацией питания семьи и т. д. Это обуславливает трудность вовлечения их в общественную и культурную жизнь деревни, что в свою очередь является причиной известной замкнутости круга интересов женщин старшего и среднего поколения. Конечно, и среди женщин этих групп имеется немало активных общественниц, нередко ведущих за собой другие группы населения, передовых и по мировоззрению — убежденных атеисток или находящихся на пути к атеизму.

Среди молодежи атеизм одержал еще большие победы. Молодые парни, — будь то русские колхозники центральных областей или охотники, рыболовы и оленеводы народов Нижнего Амура и северо-востока Сибири, — как правило признают себя неверующими (за исключением старообрядцев). Эта молодежь выросла и начала свою сознательную жизнь в обстановке советской культуры, чуждой религии и мистицизму, в школе получила основы естественнонаучных и гуманитарных знаний, дающих ей возможность материалистически объяснять мир.

Выработке атеистического мировоззрения способствует и постоянное участие основной массы молодежи в общественной жизни, в современных культурных развлечениях. Вместе с тем атеизму значительной ча-

сти нашей молодежи присуща одна характерная слабость, заключающаяся в том, что так как атеистическое мировоззрение дается ей обычно без боя, в известной мере стихийно, оно не всегда связано с пониманием реакционной роли религии, с сознанием необходимости неустанной активной борьбы против нее. Нередко наблюдающееся «примиренческое» отношение со стороны молодежи к религии и к ее обрядам доходит иногда до того, что неверующие молодые люди согласны принять участие в том или ином из этих обрядов, считая это несущественной уступкой старикам или обывательскому «общественному мнению», не понимая всей общественной значимости этих действий. Сюда относятся и факты посещения церкви молодежью из любопытства или с целью послушать пение, просто развлечься и т. п. Такие действия молодых людей наносят непосредственный вред делу коммунистического воспитания; к тому же они создают в некоторых случаях искаженную картину состояния религиозности в этой возрастной группе населения СССР.

Необходимо отметить известное отставание, характерное для женской части и данной, молодежной группы населения. (Девушки и молодые женщины сравнительно нередко оказываются верующими и выполняющими религиозные обряды.

В отношении детей несомненно, что заложенные в детском возрасте основы мировоззрения влияют на сознание человека в течение всей его последующей жизни. Наши деревенские дети находятся в советской школе, конечно, в атеистической атмосфере, образуемой не только содержанием школьного обучения, но и работой организаций детской общественности и всей системой советского воспитания. Но в ряде случаев они испытывают давление со стороны религиозных старших членов семьи, а школа не всегда прививает ребятам достаточный иммунитет против этого. Нередко у воспитателей наблюдаются пережитки своеобразного нейтралитета в отношении к религии, близко соприкасающегося с пресловутой концепцией «безрелигиозного воспитания». Улучшение работы школы по этой линии даст возможность еще более последовательно воспитывать наше подрастающее поколение в духе материализма и атеизма.

* * *

Однако нельзя ограничиться констатацией того, как велики наши успехи в деле постепенного преодоления религиозных пережитков. Необходимо подвергнуть анализу факты, свидетельствующие о живучести и цепкости религии, об упорном ее сопротивлении выработке материалистического атеистического мировоззрения. Игнорирование этих фактов может действовать демобилизующим образом на организации, призванные заниматься активной борьбой за атеизм.

Известно, что бедствия и трудности военного времени оказали некоторое гальванизирующее действие и на религиозные пережитки у части населения нашей страны и на религиозные организации различных толков и вероисповеданий. Неслучайно поэтому ряд послевоенных лет был отмечен своеобразным «оживлением» деятельности церковников и некоторым ростом религиозных настроений в отсталых кругах населения. Этому способствовало и то ослабление атеистической пропаганды, которое имело место в военные и первые послевоенные годы. Нельзя, однако, не видеть эпизодического характера этого рецидива религиозности. Очень серьезно просчитались те круги зарубежных и отечественных идеологов и защитников религии, которые приняли его за коренной поворот судьбы религии в нашей стране. Известные решения Центрального Комитета КПСС (в частности, постановление ЦК от 9/1 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях») не оставили никаких сомнений на этот счет у тех, кто хотел бы льстить себя на-

деждой на «процветание» религии в условиях социализма. Партия никогда не мирилась и не может примириться с идеологической реакцией в любой форме, в том числе и в форме религиозных предрассудков. Борьбу против религии необходимо не только продолжать, но и всеми средствами развивать. А для этого и нужно отдавать себе ясный отчет в том, на чем держатся еще среди нашего населения религиозные пережитки.

Некоторую роль в этом играет то маневрирование, которым занимается духовенство различных религий. Упрощается обрядность, допускаются довольно далеко идущие компромиссы в отношении соблюдения постов, пищевых и прочих запретов: широко практикуются «передвижные» формы культового обслуживания населения,— появились теперь разъездные (иногда в автомобиле) священнослужители. Вместо индивидуальной исповеди, на которую не так легко завлечь даже верующих, православная церковь теперь практикует коллективную, заключающуюся в том, что присутствующие в церкви хором отвечают на обращенные к ним вопросы священника о греховности. Вместо крещения погружением в купель, нередко вызывающего простуду крещаемого, часто практикуется простое «окропление», что должно облегчить колеблющимся родителям положительное решение вопроса — крестить или не крестить. Отмечены случаи, когда церковные активисты и священнослужители пытаются заманивать детей в церковь пряниками и конфетами, а молодежь — организацией хоров и других средств «художественного» оснащения религиозного ритуала.

Модернизируются и приемы устной пропаганды религии. Особенное ударение делается на том, что религия якобы проповедует возвышенное моральное учение, что характерно и для многих церквей в зарубежных странах. Последний аргумент играет особенно большую роль в пропаганде баптистских и подобных им религиозных общин. Деятели этих организаций спрашивают своих слушателей на молитвенных собраниях, а особенно в беседах один-на-один или с небольшими группами слушателей: чему плохому учит религия, когда она призывает не пить, не курить, не драться и т. д.? Они скрывают при этом, что религиозная, в частности евангельская, мораль отнюдь не сводится к перечисленным выше советам и запретам, что она включает в себя такой комплекс поучений, который несовместим с моралью члена социалистического общества, ибо ориентирует людей на слепую веру в порождения человеческой фантазии, проповедует ложное, антинаучное мировоззрение, призывает к отказу от построения счастливой жизни для людей на земле во имя несуществующей жизни за гробом. На некоторые неустойчивые слои населения этот маневр сведения религии к нескольким более или менее бесспорным морально-этическим нормам производит эффект, нужный пропагандистам религии. А вслед за этими двумя-тремя этическими требованиями в дальнейшем будет выдвигаться вся религиозная догматика с ее учением о боге, о загробной жизни, о возмездии и воздании, о бренности всего сущего и пр.

Религиозные деятели применяют индивидуальный подход к людям, которых стараются завербовать, используя тонкие методы изучения и обработки отдельного человека, причем особое внимание обращается на людей, оказавшихся по тем или иным причинам в тяжелом положении. Церковные активисты, баптистские или адвентистские руководители нередко предлагают им ту или иную помощь (в частности, и материальную), выражают сочувствие и соболезнование. Им важно при этом даже не столько то, что община верующих пополнится еще одним членом, сколько то, что этот факт произведет определенный агитационный эффект на население.

В составе духовенства происходят некоторые изменения, которые следует внимательно изучать. Такие религиозные организации, как, например, баптистская, ранее не имевшая штатного духовенства, созда-

ли у себя настоящую церковную иерархию. С другой стороны, обнаруживают особую сохраняемость полуцерковные, если можно их так назвать, формы духовенства, что особенно характерно для районов распространения ислама. В Средней Азии, например, еще довольно широко распространено ишанство. Пиры и шейхи еще до сих пор собирают свою дань на мазарах и в других «священных» для верующего мусульманина местах, они нередко оказывают свое вредное идеологическое влияние и в повседневном быту людей.

Следует указать также на ту роль, которую играет в отношении живучести религиозных пережитков передача традиций от поколения к поколению. Хранителями религиозных традиций среди народов СССР обычно являются старики, передающие их последующим поколениям вплоть до детей школьного и дошкольного возрастов. Во многих случаях только они знают порядок проведения той или иной религиозной церемонии и, проводя ее, на практике обучают этому молодых. Уважение к старшим нередко мешает людям помоложе, даже неверующим, возражать против действий стариков и, больше того, иногда побуждает их следовать за ними, самим выполнять требуемые религиозным культом обряды и церемонии. Венчание при заключении брака, крещение и обрезание детей, другие обряды, которые затрагивают, прежде всего, молодое поколение, как правило, исполняются обычно под давлением стариков, начиная с воздействия их на чувства родственной любви и привязанности, кончая угрозами, а иногда и прямым насилием.

Иконы в огромном большинстве случаев перестали теперь служить фетишем и не вызывают к себе того суеверного благоговения, с которым к ним относились раньше; тем не менее они до сих пор нередко сохраняются в колхозных домах. К ним привыкли даже как к убранству жилища. И все же наличие икон в том или ином доме, хотя и далеко не всегда означает, что здесь живут верующие люди, имеет значение для поддержания религиозных пережитков и потому, конечно, должно расцениваться как отрицательное явление.

Особо серьезное значение для полуверующих и даже неверующих имеет боязнь подвергнуться осуждению со стороны обывательского «общественного мнения», до сих пор еще существующего. Снять и убрать иконы, отказаться от крещения родившегося младенца, воздержаться от выполнения бытовых обычаев, связанных с тем или иным религиозным праздником, и пр.— все это значит навлечь на себя осуждение всей родни старшего поколения и некоторой части односельчан. Далеко не всегда этому реакционному суррогату общественного мнения противопоставляется достаточно активное и организованное подлинное общественное мнение, представляющее прогрессивные начала нашей социалистической действительности. Надо добиваться того, чтобы приверженность к традиционным религиозным верованиям и обычаям расценивалась как проявление отсталости и некультурности. Не нарушая принципа уважения старших, следует воспитывать молодежь в убеждении, что в таких принципиальных вопросах, имеющих большое идеологическое значение, как отношение к религии и ее пережиткам, сознательный советский человек не может идти на уступки отсталым элементам, будь это даже отец или дед, мать или бабушка.

Весьма характерные примеры влияния обывательского суррогата общественного мнения на поведение людей наблюдаются, в частности, среди населения районов распространения ислама. Как известно, у каракалпаков похороны умерших и поминальные обряды связаны по традиции с закланием большого количества скота и с другими расходами, зачастую непосильными для семьи³. Традиция, освященная рели-

³ См. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.— Л., 1959, стр. 125.

гией, требует: в случае, если семья умершего не располагает достаточным количеством скота для обряда, его следует купить, а деньги для этого, если их нет, одолжить. Так нередко делается даже в тех случаях, если умер основной работник семьи, ее «кормилец»; выполнение требуемых традицией обрядов может повлечь за собой просто разорение семьи. Но на это идут не только верующие, а иногда и неверующие,— как действует на них боязнь осуждения обывательским «общественным мнением». И, само собой разумеется, не последнюю роль в этом играет давление со стороны мулл и ишанов, которые кровно заинтересованы в сохранении этих реакционных и вредных традиций.

У русских колхозников пережитки производственного культа фактически исчезли,— очень редко где теперь можно услышать, в виде исключения, о том, что отслужен молебен по случаю засушливой погоды или по случаю выгона скота в поле. Однако у некоторых народов северо-востока Сибири и Дальнего Востока, занимающихся преимущественно охотой и рыболовством, обряды промыслового культа еще бытуют относительно широко. Основной причиной такого явления следует, видимо, считать то, что даже при хорошей технике, которую советская промышленность оснастила этих охотников и рыболовов, результативность их труда все еще пока недостаточно постоянна и зависит от колебаний погоды и других случайных обстоятельств больше, чем в земледелии и скотоводстве. У русских рыбаков и охотников, а также у рыбаков Прибалтики этот культ и раньше играл меньшую роль, но те, связанные с повседневной жизнью и бытом, обряды, которые у них были широко распространены раньше, и теперь держатся еще довольно цепко.

Обряды, сопровождающие те или иные важные события в жизни отдельного человека,— крещение, венчание и другие, срослись со многими бытовыми обычаями и кажутся иногда неотделимыми от них. Крещение, например, связано с семейным праздником родин, бракосочетание — со свадебным пиром и «гуляньем». Связь бытового обычая с церковным обрядом во всех этих случаях отнюдь не органична, она сложилась исторически и стала привычной. И это оказалось очень выгодным для религии, ибо за счет прочности бытовой традиции держится и традиция религиозная.

В большинстве случаев эти традиционные формы имеют ярко выраженную национальную окраску и коренятся в исторически сложившихся условиях жизни и быта данного народа. Как известно, ленинская политика в области культуры, проводимая Коммунистической партией, вовсе не направлена к космополитической нивелировке национальных обычаев и традиций всех народов нашей страны. Наоборот, насыщенная социалистическим содержанием, наша культура развивается в национальной форме и многообразие ее национальных проявлений отнюдь не подавляется единством ее социалистического содержания. Однако нередко под защитной маской национальной традиции скрывается религиозно-культуровой обряд и привязанность народа к национальным формам своей культуры и быта нередко используется защитниками и служителями религии для сохранения обрядности.

Так, в среднеазиатских республиках нередко еще встречается представление об обрезании как не религиозном обряде, а национальной традиции. Прикрываясь этой совершенно неправильной точкой зрения, совершают обряд обрезания не только верующие люди, а и полuverующие и даже просто неверующие, представители интеллигенции, комсомольцы и т. д. При этом представители общественности в некоторых случаях не борются с этим варварским религиозным обрядом, а иногда даже поддерживают его, помогают организовать. У узбеков Хорезма, например, праздник, связанный с обрезанием (суннет-той), нередко организуется колхозной бригадой или даже правлением колхоза, причем бывают случаи, когда в тое принимают участие

представители районных организаций. Конечно, это недопустимо. Нужна широкая и интенсивная разъяснительная работа по вопросу о реакционном религиозном характере обряда и праздника обрезания. Обрезание широко распространено у многих народов мира, поэтому оно не может считаться национальной традицией таджикского или узбекского народов. Это — религиозный обряд, как и крещение он означает приобщение к религиозной общине; его выполнение является недопустимой уступкой враждебной нам религиозной идеологии.

Нужно уметь отделять национальную традицию от религиозного обряда. Свадьба, например, может и должна ознаменовываться как яркий и надолго запечатлевающийся в памяти людей праздник, проводимый у каждого народа в традиционных для него формах; но ей не должно предшествовать венчание, она не должна сопровождаться и другими религиозными обрядами, вроде благословения молодых иконами и т. п. А процедура гражданского оформления брака в загсе уже теперь на наших глазах превращается в торжественную церемонию, соответствующую важности такого события. Большая работа по освобождению красочных национальных обычаев от связи с религиозным культом ведется в Белоруссии, в Прибалтике и в других республиках Советского Союза. Эту работу необходимо развернуть в еще более широких масштабах.

В братской дружной семье народов Советского Союза прогрессивные и полезные национальные традиции могут быть легко позаимствованы у одних народов другими и получить таким образом широкое распространение во всей нашей стране. Советские революционные праздники являются теперь интернациональными, — некоторые из них вошли в быт не только всех народов Советского Союза, но и трудящихся всех стран мира, — не только возникшие в качестве международных Первое мая и Международный женский день, но и праздник годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Надо добиваться того, чтобы и некоторые другие праздники, коренящиеся в традициях отдельных народов, стали общесоюзными и интернациональными. То же относится и к традициям, связанным с памятными событиями индивидуальной жизни советских людей. Все, что есть красивого и ценного в традиционных свадебных и других обычаях у любого народа Советского Союза может быть заимствовано и другими народами СССР. В какой-то мере этот процесс уже имеет место, и в этом находит одно из своих проявлений тенденция образования общих элементов формирующейся единой интернациональной культуры народов Советского Союза.

Живучести религиозно-бытовых пережитков в большой степени способствует та цепкость, с которой держатся в быту людей религиозные праздники. В очень многих случаях люди, посещающие в праздничные дни богослужение, выполняющие те или иные обряды, считающие необходимым пьянствовать и «гулять» в эти дни, не имеют уже никакого представления о религиозном смысле самого праздника и о религиозных воззрениях, с ним связанных. Это в особенности относится к так называемым престольным праздникам в русской деревне, которые держатся в быту еще очень прочно. Очень редко даже активный участник престольного праздника, не вышедший в этот день на работу и проводящий его по всем правилам, может сказать, по какому случаю он празднует.

Во многих случаях дело заключается вовсе не в том, что люди хотят ознаменовать религиозный праздник, а в том, что они испытывают потребность время от времени провести день в необычной обстановке, с праздничной едой и напитками и специфическими развлечениями. Советские революционные праздники, — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Первое Мая и другие — вошли в быт широчайших кругов нашего народа. Но у нас есть возможности внед-

рения в быт советских людей новых общественных праздников, ценных и прогрессивных по своему социальному и идеологическому содержанию, ярких и эмоционально впечатляющих по своим внешним формам и не имеющих абсолютно ничего общего с каким бы то ни было религиозным культом.

Необходимо однако избегать двух ошибочных крайностей в этой сложной работе: кабинетного искусственного выдумывания «совершенно новых» форм, с одной стороны, и простого копирования старых традиционных форм, как правило, связанных с религией, — с другой стороны. В первом случае вся работа останется бесплодной, ибо ее результаты не привьются, не получат распространения; во втором случае мы окажемся на поводу у отжившего, у тех самых религиозно-бытовых пережитков, с которыми мы боремся и которые успешно преодолеваем. Нужно в каждом отдельном случае конкретно подойти к вопросу и отделить зерна народной национальной традиции от сорняков культового обряда. В некоторых случаях это возможно даже там, где народная традиция генетически связана с религией. Каково, например, теперь значение того обстоятельства, что обычай устраивать елку имеет религиозное, хотя и дохристианское, происхождение? Наши дети, веселясь на новогодней елке, не знают, да и знать не хотят о том, что в незапамятные времена на елку вешали жертвоприношения «языческим» богам. Ряженье совсем не так трудно огорвать от его «святочной» основы и придать ему «светские», карнавальные формы, приурочив это развлечение к любому нашему советскому празднику. То же относится и к некоторым другим обычаям.

Один из источников живучести престольных праздников в нашем сельском быту — то, что они дают выход вполне естественной и вовсе не плохой потребности людей принять гостей, хорошо угостить приехавших, самим съездить в гости к родным и друзьям. Праздник просто дает повод к этому. Но почему нельзя перенести праздничное гостеприимство на любой другой праздник, лишенный религиозного содержания и не совпадающий во времени с разгаром сельскохозяйственных работ?

Это относится и к обрядам, связанным с ознаменованием важных событий в индивидуальной жизни человека, о чем уже упоминалось. Церемониал свадьбы, например, у многих народов нашей страны насыщен интересными и яркими, национально окрашенными, обычаями, которые могут и должны быть сохранены в нашем быту. Свадебный поезд, шаферы, преподнесение молодым хлеба-соли, традиционное белое платье невесты, торжественные и красивые величальные песни — все это может быть унаследовано нашим советским бытом. То же относится и ко многим семейным церемониям, которые все больше входят в быт наших людей.

Не всегда бывает легко полностью отбросить остатки религиозных обычаев и обрядов, нередко примешивающиеся и к новым формам нашего быта. На свадьбе, где и речи не могло быть о церковном венчании, молодые вдруг оказываются «вынуждены» по настоянию кого-либо из старших родственников или других приглашенных гостей прикладываться к иконам и этим в какой-то мере «освятить» свой союз. Гражданские похороны завершаются, иногда через несколько дней, панихидой в церкви или поминанием за упокой. Иногда такое переплетение старого и нового принимает ярко выраженные внешние формы. У народов Нижнего Амура (ульчи) и северо-востока Сибири, как правило, можно видеть в наши дни на могилах надгробия, увенчанные пятиконечной звездой и другими советскими эмблемами; но тут же нередко оказываются специально поломанные нарты или лыжи, положенные на могилу с тем, чтобы дать нужные якобы покойнику средства передвижения. Если старуха-ульчанка приносит на могилу своего сына не только продукты питания, которые, как она считает, будут ему необходимы

в его потусторонней жизни, но и термометр, таблетки аспирина и записную книжку с карандашом, то это значит, что новое в ее сознании и быту хаотически переплелось со старыми религиозными представлениями и обычаями. Такое смешение находит выражение и в переосмыслении старых обрядов, в придании им нередко «рационального» смысла. Шаманское камлание теперь часто у народов северо-востока Сибири истолковывается как проявление гипноза. Пищевые запреты связываются в сознании людей нередко с санитарно-гигиеническими требованиями, хотя происхождение их чисто религиозное. Обряд обрезания также часто объясняется гигиенической «полезностью» этой операции. Иногда здесь, конечно, налицо обычный прием, используемый защитниками религии для маскировки действительного характера и происхождения тех или иных религиозных обрядов и запретов, но нередко мы находим в этих фактах одно из проявлений борьбы старого и нового в сознании людей,— когда старое объяснение или забылось или просто не укладывается в сознании как приемлемое и разумное. В обоих этих случаях налицо проявление процесса преодоления религиозных пережитков, идущего, правда, далеко не всегда по прямой линии категорического отказа верующих от своих религиозных взглядов и бытовых традиций.

Это сказывается и в той неравномерности, с которой отмирают различные исторические напластования религиозных верований и обычаев. Так, во многих случаях несравненно более живучими, чем христианские или мусульманские религиозные пережитки, оказываются дохристианские и домусульманские верования, особенно там, где христианизация или исламизация в свое время проводились насильственными в той или иной степени методами. В некоторых случаях наблюдается даже нечто вроде реванша, который дают «языческие» верования и обычаи победившим их когда-то христианству и исламу.

Большую живучесть по сравнению с официальными культами обнаруживают так называемые бытовые суеверия,— вера в приметы, в гадание, в сглаз. С ними связаны и различные виды колдовства и знахарства, бытующего еще среди некоторых кругов населения нашей страны даже в условиях широкого развертывания сети медицинских учреждений и обеспечения всех граждан бесплатной медицинской помощью.

В обиходе наших пропагандистов, а нередко и в литературе, можно иногда видеть употребление термина «суеверие» в узком смысле,— только применительно к указанным выше явлениям. Между тем, по существу, как известно, между религией и суеверием нет никакой принципиальной разницы — и то, и другое основано на вере в сверхъестественное. Главное же, защитники религии, конечно, кровно заинтересованы в том, чтобы отделить последнюю от наиболее грубых ее проявлений, компрометирующих «возвышенность» религиозной идеологии. Поэтому следовало бы избегать такого терминологического разделения.

Собранные работниками Института этнографии АН СССР за последние годы экспедиционные материалы ярко показывают, какое огромное значение должна иметь для преодоления религиозно-бытовых пережитков развернутая культурно-просветительная работа и научно-атеистическая пропаганда. Ряд партийных решений по этим вопросам, в особенности, постановление Центрального Комитета КПСС от 9/1 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», дает исчерпывающие указания к правильной постановке этой работы. Руководствуясь ими, все учреждения и организации советской общности на местах под руководством партийных организаций ведут систематическую работу по коммунистическому воспитанию масс. В ряде случаев эта работа ведется, однако, недостаточно интенсивно и развернуто. Не всегда она доходит до селений, расположенных далеко

от железной дороги и районного центра, не всегда доходит и до отдельного человека,— в особенности, до того, кто больше всех других в ней нуждается,— до верующего. Указанное выше постановление Центрального Комитета указывает на необходимость того, чтобы наша пропаганда «доходила до каждого рабочего, колхозника, интеллигента, до каждого советского человека»⁴. То обстоятельство, что на практике у нас, как говорится в постановлении, «некоторые группы населения находятся вообще вне повседневного идейно-политического влияния»⁵ оказывает определенное тормозящее воздействие на процесс преодоления религиозно-бытовых пережитков.

Проект программы Коммунистической партии Советского Союза, предложенный Центральным Комитетом XXII Съезду, дает ясную установку в вопросе о борьбе против религиозных предрассудков. «Партия,— говорится в проекте,— использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Необходимо терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений. При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полней раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах»⁶.

Работники этнографической науки могут и должны многое сделать, чтобы способствовать быстрейшему ходу процесса преодоления религии у народов СССР.

SUMMARY

In the Soviet Union, for the first time in the history of mankind, the conditions have emerged for a conclusive overcoming of religion: its social roots have been undermined, a cultural revolution on an unprecedented scale has been achieved; the building of a new, socialist way of life is accompanied by comprehensive scientific and educational propaganda. The great majority of the population of the USSR firmly adheres to the standpoint of scientific atheism. The process of the overcoming of religion is a highly complicated one and includes dialectical opposites.

Field investigations conducted by staff members of the USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography have demonstrated that different elements of the religious pattern possess different degrees of resistance to the advance of the atheistic outlook. Particularly tenacious are common, traditional rituals deeply rooted in the life of the people. The present article analyses, on the basis of material obtained in the course of investigations made by the Institute of Ethnography, the different aspects of the process of overcoming religion among the peoples of the USSR.

⁴ «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», «Коммунист», 1960, № 1, стр. 13.

⁵ Там же.

⁶ Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, «Коммунист», № 11, стр. 70.